

Н. Е. Любимова-Коганская

БОГ ЛЮБИТ МЕНЯ

Воспоминания

Н. Е. Любимова-Коганская

Бог любит меня. Воспоминания

«Издательские решения»

Любимова-Коганская Н. Е.

Бог любит меня. Воспоминания / Н. Е. Любимова-Коганская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855240-3

На обложке изображен мемориальный комплекс жертвам, погибшим на шахте 151 «Богдан». Рядом с комплексом установлена доска с фамилиями убитых, в том числе и Любимова Ефима. Родные автора выражают благодарность Коваль Софье (г. Калининград) за помощь в работе над книгой.

ISBN 978-5-44-855240-3

© Любимова-Коганская Н. Е.

© Издательские решения

Содержание

Книга первая	6
Первая встреча	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Бог любит меня Воспоминания

Н. Е. Любимова-Коганская

Редактор Юлий Семенович Каганский

© Н. Е. Любимова-Коганская, 2017

ISBN 978-5-4485-5240-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая

*Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.
А. Блок*

Первая встреча

Сегодня договорились с Жанной – вечером в восемь часов встретиться в нашем прекрасном клубе ИТР. Я, человек точный, уже в восемь часов была там, и так как я очень любила мужскую комнату, то сразу направилась туда. Комната эта всегда была пустой. Мужчины толпились в буфете, бильярде, на лекциях... В зале вдоль стен стояли мягкие кожаные диваны, в одном углу – кресло-качалка, в середине стол. Свет выходил из-под потолка, стены вверху имели жёлоб, который тянулся по периметру стен, в нем была смонтирована осветительная часть – и уже отражённым от потолка светом освещался зал. Свет был мягким, таинственным. Я вошла, увидела двух молодых людей, читавших книгу. На край этого же довольно длинного дивана, поближе к двери, присела и я. Книга была очень интересная, хотя и не всё ясно долетало до меня. Какая-то герцогиня в карете появлялась в военных расположениях... Позже, познакомившись с творчеством Бальзака, я решила, что читали они «Шуаны». Всё шло нормально – они читали, я слушала... Жанна задерживалась. Вдруг ребята начали тихо шептаться, пересели в дальний угол – на другой диван. Сперва меня покорило: чем я им помешала?! Посидели они немного и ушли, оставив на диване книгу. Их долго не было, мне очень хотелось узнать, что за книгу они читали, чтобы потом в библиотеке взять её. Но я себя сдержала во избежание неприятностей... Мне стало скучно... И вдруг поднялась синяя бархатная портьера. В дверях стоял тот молодой человек, который был постарше. Я приготовилась увидеть Жанну, но увидела его пристальный взгляд, и тут со мной произошло что-то странное – от моего сердца и глаз потянулся какой-то светящийся канал прямо к глазам смотревшего на меня человека... Канал переливался всеми цветами радуги, а мы, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза... Что это было? Но это было, это не выдумка – какое-то необъяснимое явление. Я и сейчас, спустя много лет, вижу в мыслях, как световой поток бежал от меня к нему и поглощался им. Это продолжалось несколько секунд. Мы были как бы связаны этим каналом. Молодой человек очнулся первым, встряхнул головой, как от наваждения, прошёл, взял книгу и сразу удалился. А я сидела ошеломлённая и не могла понять, что за странное явление поразило меня и этого человека, мне почти не знакомого. Раньше видела его сколько раз в группе его сверстников – десятилетчиков (как я узнала потом). Иногда наблюдала за ними. Тогда ещё все собирались вокруг него. Девочки, да и мальчики тоже, часто просили его: «Марк, Марк, расскажи то, расскажи это, прочти, спой, станцуй», – и всем им было очень весело... Когда он ушёл, я долго сидела и всё хотела понять, что же, что же это такое... А Жанны всё не было. Я пошла бродить по клубу в надежде встретить знакомого, Женьку, музыканта, он играл в оркестре клуба. Когда оркестр замолчал, Женька бежал в малую бильярдную, где, увидев меня, сразу звал сразиться в игре на малом наклонном (китайском, или женском) бильярде. Азартно отдавался игре, так что оркестр уже начинал играть без него, и он, спохватившись, бросал кий, бежал на своё место в оркестре. Когда я вошла в малую бильярдную, Женька сразу крикнул:

– Натка, иди сюда.

Игра началась. Женька играл великолепно и всё время учил меня, как надо бить, как держать и направлять кий, какую принять позу. Вдруг подошёл Марк, тот самый молодой человек:

– Как, Женька, выигрываешь?

Женька, человек очень воспитанный, сказал:

– Нет, выигрывает Наточка.

– Стыдно проигрывать женщине! – И отошёл.

– Несчастный десятилетчик, – пробормотала я ему вслед.

Я уже окончила строительный техникум и уже год работала в тресте «Донбассантрацит», а он ещё сидел на папиной шее. Я уже получала зарплату более чем в два, а то и в три раза превышающую зарплату отца. Наше семейное благосостояние сразу резко улучшилось. Поэтому у меня было основание относиться к нему свысока, хотя по возрасту мы были примерно равны... Опять заиграл оркестр, и Женька умчался, а я оказалась одна у бильярда. Сразу ко мне подошёл Марк и сказал:

– Сыграем?

– Можно, – ответила я.

Пошла игра... Он играл очень хорошо, я – из рук вон плохо, хотя и старалась использовать все Женькины советы... Потом игра пошла вяло, появились другие темы, тут подошёл второй мальчик, который вместе с Марком читал книгу. Завязалась оживлённая беседа. Мы перешли в мужскую комнату. Я села в кресло-качалку, а они по сторонам от меня. Юрка был младше Марка на год. Ребята начали рассказывать про свою школу. Наперебой передавали ученические пародии на учителей и стихи о них и всякие забавные случаи и истории из школьной жизни. Я, не так давно как с учебной скамьи, всем интересовалась, а ребята как из рога изобилия сыпали шутками. Ребята были очень остроумные, особенно Марк, мне было очень весело как никогда. В разгар этого веселья появились две фигуры. Это была Жанна и Вакуловский. Вакуловский Антон Фёдорович работал в одном отделе со мной главным инженером-архитектором. Ему было уже тридцать два года, а может, и больше. Он был женат, а детей не было. Это был высокий человек, разболтанный, хотя хороший специалист. Они вошли. Жанна сказала:

– Ната, наконец я тебя нашла, пойдём с нами. Ну, побыстрее... – она любила командовать.

– Никуда я с вами не пойду, – ответила я.

– Но почему, мы же договорились с тобой встретиться?!

– Мы договорились с тобой встретиться здесь в восемь часов, а сейчас уже десять, имею полное право остаться.

– Но разве тебе интересно с этими мальчишками?

– Очень интересно.

– Ну, Наточка, прости меня и пойдём с нами...

– Нет, нет, Жанна, завтра я приду к тебе домой, а сегодня не пойду с тобой. Не проси.

Быть может, я и пошла, если бы она была одна, но Антон Фёдорович, ведь он всё время играл с нами. Начинать говорить любезности мне, а когда я ему дерзила в ответ на них, быстро переключался на Жанну, не обращая на меня никакого внимания, ставя как бы в униженное положение. Я не сердилась на них, но вставала и уходила, так как мне становилось неинтересно. У них ничего не вязалось. В дальнейших встречах Антон Фёдорович уже хитро лавировал между нами, что вызывало у меня презрение к нему. Кроме того, он надоедал мне ещё и на работе, хотя там он был начальник и мог мне кое-что и приказывать. Они ушли. Ребята оценили мою стойкость, и ещё ярче засверкало их остроумие. Мне было очень хорошо.

Не прошло и полчаса, опять появилась Жанна с Вакуловским. Жанна прикладывала всю свою убедительность, играла на нашей дружбе с детства. Я была непреклонна.

– Уходите, не мешайте нам! – И я больше не отвечала на её доводы. Молчал и Вакуловский.

Они, наконец, ушли совсем. Наша беседа немного успокоилась, и мы перешли к бытовым темам. Марк сказал:

– В этом году сдаю экзамены и поеду поступать в институт.

Юрке рано было говорить об институте, он был ещё в девятом классе.

– Я тоже собираюсь продолжать учёбу, – сказала я.

– Куда вы собираетесь поступать? – спросил Марк.

– Ещё не знаю, а вы?

– Я хочу быть физиком-экспериментатором, поеду в Ленинград – или в ЛГУ, или в индустриальный, там тоже есть физический факультет.

– Я никак не могу достать справочник для поступающих, чтобы сориентироваться.

– У меня есть, хотите, я завтра вам принесу?

– Очень буду рада, где мы встретимся?

– Здесь, завтра в семь часов.

– Хорошо.

Домой пошли вместе, втроём. Назавтра я уже торопилась на встречу. Помимо всего прочего, я хотела его увидеть, мне сразу стало это как-то необходимо. Он уже был в клубе и держал в руках справочник. Мы сели на диван и принялись изучать обсуждать близкие нам по интересам институты. Оба остановились на ЛГУ – он на физическом, а я на математическом факультете. Но он уже был готов к сдаче экзаменов, а я далека. В техникуме только на первом курсе изучают математику и физику, а в дальнейшем уже идут специальные предметы. В результате у меня семилетка да год-полтора изучения физики и математики в техникуме – основных предметов при поступлении в вуз. Мне не светило в этом году поступить. Нужна была серьёзная подготовка. Пока я ещё не знала, как это сделать, но мы уже сдружились. Потом познакомились друг с другом: кто где учится, где я работаю, где кто живёт, чем увлекается... Домой пошли вместе. При расставании Марк сказал:

– Я хочу завтра опять увидеть вас.

И мы договорились встретиться. Это стало происходить каждый день, всю зиму...

Наступила весна... Как-то в субботу Марк сказал мне:

– Давайте завтра встретимся днём.

Я согласилась... Днём мы нашли в парке уединённую скамеечку. Разговор не был оживлённым. Что-то смутное витало между нами. Вдруг он сказал:

– Можно мне поцеловать тебя?

Я сказала нет, но губы были так близки, и, несмотря на моё нет, он поцеловал меня. Я молча встала и пошла, он тоже молча пошёл за мной. Так молча мы дошли до поворота к моему дому. Попрощались глазами, и каждый пошёл по своему пути. Оставшись одна, вдруг я прозрела: «Он меня поцеловал!.. Он меня поцеловал! Он меня поцеловал!!!» И меня охватил восторг. В душе и уме кричала, захлёбываясь одна мысль: «Он меня поцеловал!» Назавтра я искала Жанну по телефону, я должна была с кем-то поделиться... Меня заполняло какое-то прекрасное, радостное чувство. Оно переполняло мою душу. Я обязательно должна им поделиться, мне нужно видеть Жанну. Наконец мне сказали, что Жанна на шахте 4-бис на партсобрании Я была далека от политики, во мне не было карьеризма. Жанна была не очень способная ученица, но строила свою жизнь так, чтобы создать себе положение, о чём я даже никогда и не думала. В то время это было ещё неосознанно. И я, глупая, помчалась к ней, заполненной повседневной политикой, далёкой от чувственности. На мне было любимое лёгкое синее крепдешиновое платье и мамин старинный синий газовый шарф. Я бежала по шпалам на шахту 4-бис. Ветер облегал моё тело, а концы газового шарфа, вытянувшись от ветра, трепетали как крылья у меня за спиной. Я была как Фрези – «бегущая по волнам». Я не думала тогда о себе, но, вероятно, это было примечательное зрелище: маленькая, тоненькая, лёгкая, стремительная и воодушевлённая летела я поделиться радостью со своей далеко не поэтичной подружкой. Так всё и вышло. Собрание продолжалось ещё полтора-два часа, и вышла она возбуждённая, взбодраженная своими делами. И, конечно, своей деловитостью она приглушала мой восторг... Я стала думать: а может, он обиделся на моё молчание и больше уже не захочет встретиться со мной? Что я тогда буду делать со своей душой и чувством радости?... Всё же я договорилась

с Жанной вечером пойти в парк, так как из-за моего молчания мы не договорились с Марком о встрече. Я вся трепетала, я боялась, что он не придёт, и я его не увижу, и вся радость заглохнет и умрёт. Я уже любила, но этого ещё не сознала...

Какой был Марк? Он был высокого роста с ещё неокрепшей юношеской фигурой. Чуть удлинённое красивое лицо. Слегка волнистые каштановые волосы, красиво очерченные губы. Прямой нос и голубые чудные глаза, которые были нежны, но иногда в них светилась непреклонность в своих принципах. Длинные брови только подчёркивали выразительность его глаз. Он очень хорошо учился, был в городе первым учеником. Хорошо рисовал: его портрет Пушкина было трудно отличить от портрета кисти Кипренского; портрет был отправлен на областную выставку. Марк красиво пел, великолепно танцевал вальс-бостон, писал стихи, был начитан. Но все его вожеления занимала физика, она была хозяйкой его души. Он иногда говорил о своём принципе обращения с людьми: «Я обращаюсь с людьми так, как они обращаются со мной». Он был немного циничен, ибо считал, что женщины в основном глупые коровы. Я спрашивала: «И я, Марк?» – «Нет-нет, ты умница, ты гораздо умнее меня, только ты одна такая встретила мне». Это всё было позже, а теперь... Наступил вечер, мы пошли, с Жанной в парк. Только мы вошли, к нам сразу подошли Юрка и Марк. Юрка сразу увёл Жанну. Они где-то немного погуляли и разошлись. А Марк повёл меня вглубь парка, где находились спортивные устройства: турник, кольца, бум и прочее... Как бы шутя он сказал:

– Ещё хотя бы один поцелуй.

– Нет, его надо заслужить, – отозвалась на шутку я.

– А как? Я заслужу!..

– Пройдитесь по буму, если не упадёте, то можете меня поцеловать...

Он пошёл по буму, дойдя до конца, прыгнул и направился ко мне. Я крикнула:

– Нет, нет! Надо было дойти до конца и вернуться по буму в первоначальное положение.

– Что делать, попробую.

Он шёл и срывался с бума, а я смеялась. Наконец он дошёл до конца и вернулся обратно без происшествий.

– Ну что ж, – сказала я, – уговор дороже денег...

Он поцеловал меня один раз, и ещё... и ещё... и...

Мы встречались каждый вечер... Иногда он читал мне Блока – перетянет меня по талии моим крепдешинным шарфом с яркими поперечными полосами, поставит на скамейку и стоит передо мной, читая Блока: «Девичий стан, шелками схваченный, в туманном движется окне...» А талия у меня была очень тонкая, я перехватывала её полностью пальцами своих рук, и вообще я была маленького роста (тогда 153 см), но фигурка у меня была очень красивой, с белейшей, нежной кожей. На работе часто шёл разговор о моей фигуре, и, когда один сотрудник, толстяк, сказал для подначки: «Что за фигура, ни тут, ни там, не за что и взяться», так даже командировочный из Харькова, Вадим Вадимович Тур, не выдержал и сказал, что женщины Харькова отдали бы полжизни, чтобы иметь такую фигуру, как у Натки...

С этого дня любовь начала расти гигантскими шагами, но чтобы любовь была полной, Марк решил привить мне ещё любовь к физике, чтобы нас уже ничто не разделяло. Мы читали журналы со статьями по физике. Знакомились с проблемами физики. Тогда ядро ещё не было расщеплено, и мы устраивали диспуты с рассуждениями, пойдут ли учёные на разрушение ядра, если это вызовет цепную реакцию. Марк твёрдо говорил, что пойдут. «Но, Марк, может погибнуть планета», – возражала я. Марк убеждённо говорил: «Пойдут, учёные найдут условия безопасного расщепления ядра». Мы читали одни и те же книги. Сперва Марк, потом я. А затем устраивали между собой диспуты. Иногда я что-то не понимала, и он мне разъяснял, а иногда бывало и так, что он, читая, что-то не замечал, упускал. Когда я говорила о предъядерном барьере или о других его упущениях, он называл себя разными словами: «Дурак, как же я этого не заметил» – и называл меня «милая моя ученица». Смерть Резерфорда (1937 г.) была нашим

общим горем, а работы Милликена, Дирака и Гейзенберга вызывали наш восторг. Сколько ночных часов мы бороздили глазами Вселенную и сколько, сколько своих гипотез выстраивали о дальнейшей научной судьбе. Полёты в космос тогда были несбыточной фантастикой. Как сейчас я знаю, работы уже велись, но были засекречены... Наша любовь была полна чувствами и одинаковыми взглядами на научное будущее... Бывало, Марк жаловался, что в школе задачи были тяжёлые. Он говорил: «Никто не мог решить». Я брала, только просила, что буду решать дома. И, как правило, приносила назавтра решённые задачи, что приводило Марка в восторг.

Время шло, подходил август, Марк должен был ехать в Ленинград сдавать экзамены в институт. Чёрные мысли лезли мне в голову: как я буду жить без него? И этот день наступил... Вечером мы распрощались, чтобы не встречаться на вокзале, где будут его родители и школьные друзья. С утра я ушла из дома. Пошла в Донэнерго, где работала, библиотечаршей моя техникумовская однокашница. Из окна библиотеки дорога к вокзалу была видна как на ладони. Я видела Марка с мамой, идущих на вокзал, потом его товарищей по десятилетке. Потом вдруг один Марк быстро шёл обратно зачем-то, а все оставались на вокзале, потом он обратно шёл на вокзал. А затем звонки, свисток паровоза – и Марк уехал.

С вокзала пошли его мама и товарищи. А у меня лились слёзы. Мне казалось, что я больше никогда, никогда его не увижу. Но я сказала себе – я буду учиться в том городе, где будет он. Для этого надо было как-то обеспечить свою подготовку в институт. Я боялась, что самостоятельно не смогу подготовиться к сдаче экзаменов в свете новых требований. В рабочий перерыв я пошла в горный техникум, кое о чём расспросить. Он находился очень близко от треста, где я работала. У входа я встретила свою подругу детства, Полю Климову, которую давно не видела. В руках она держала какие-то документы.

– Что здесь делаешь? – удивилась она.

– Да вот, хочу узнать, нет ли здесь подготовительного отделения для поступления в институт.

– Натка, сделай, как я. Поступай на четвёртый курс рабфака. Он сейчас называется средней вечерней школой и соответствует десятому классу. Он дневной, а остальные вечерние, и там повторяют весь учебный курс, необходимый для сдачи экзаменов в вуз. (Не весь, как выяснилось потом.) Что тебе ещё надо? Вот я еду уже поступать в Ростовский университет...

Я очень обрадовалась появившейся возможности и стала искать своего товарища по семилетке – Костю Протасова, нашего донбасского поэта, который вынужден был уйти из пятого класса семилетки, чтобы поступить учеником на завод и кормить свою старенькую мать. Отец его умер, мать больная и не имела ни какой специальности. Он был передовой парень и сочетал работу с учёбой на рабфаке... Костя сказал, что окончил три курса и на четвёртом решил не учиться. Он после работы ходил в литературный кружок и хотел поступить в литературный институт. А я ему: «С тремя курсами рабфака ты не поступишь в литературный». И всё-таки уговорила его продолжить учёбу. Мы договорились пойти вместе завтра в учебную часть рабфака.

Назавтра мы стояли перед заведующим учебной частью – Евгением Ивановичем Фантазом. Он вначале расспросил Костю, которого вспомнил по прошлым годам учёбы, потом меня. Видно, мои ответы ему не очень понравились, и он сказал Косте: «Вы можете приходить прямо на четвёртый курс, а вам (мне) – придётся сдавать экзамены для поступления в наш рабфак». Дело осложнилось, но я вытащила учебники и села за подготовку.

Вскоре надо было сдавать экзамены по русскому языку. Предлагалось написать сочинение, по которому можно было бы установить знание литературы и русского языка. Я очень боялась этого экзамена: в техникуме мало преподавали русский. Больше было часов по украинскому языку. Мои знания русского – это семилетка да почерпнутое из чтения художественных книг. Работа по сочинению называлась «Кому живётся весело, вольготно на Руси?». Я написала уже полстраницы, когда ко мне подошёл Фантаз. Поглядев моё сочинение, он сказал:

«Надо написать сперва слово „Тема“, а потом с большой буквы название темы». В дальнейшем он ещё несколько раз подходил ко мне и каждый раз указывал на ошибки, которые я тут же исправляла. Написала я сочинение, но настроение было скверным, мой русский хромал на обе ноги...

Следующим предметом была математика. Экзамен был вечером. В аудитории было три группы парт. Первая группа была полностью заполнена экзаменуемыми. Вторая – наполовину. В третьей группе сидели три человека. Двое на первой парте, и я на последней. Экзамен состоял из одной задачи и примера. Пример арифметический не очень сложный, но в несколько этажей. Я сделала пример и задачу тоже решила, но не могла выразить значения тригонометрическими функциями, связанными с углами. Темнело, лампочка не зажигалась. Фантаз сказал: «Перейдём в соседнюю аудиторию». Я обрадовалась, может, подсмотрю формулы... Однако Фантаз сперва отправил первую партию с первой группы парт, начиная с последней парты и кончая первой. Так же он поступил со второй партией со средней группы парт, я решила, что вначале он отправит меня, а потом последним парня из нашей группы, и очень обрадовалась. Но каково мне было, когда парня с первой парты он отправил раньше меня. Мы остались один на один с ним. Помедлив, он сказал: «Теперь идите вы». Как я подсмотрю, если он пойдёт за мной?.. Когда я проходила мимо него, он меня остановил и спросил, как у меня дела. Я ему откровенно сказала о своём затруднении. Он тут же показал мне все ответы, и я, войдя в соседнюю аудиторию, быстро записала ответы, сдала работу и ушла домой. Через день была физика, но всё прошло нормально. Преподаватель физики задавал мне очень простые вопросы, что показалось мне подозрительным. Последний предмет, политграмота, должен был быть в субботу. Когда я подошла к экзаменационной аудитории, увидела объявление, что экзамен переносится на понедельник. А я-то думала, что сегодня избавлюсь от этих испытаний. Вдруг слышу:

– Вы чем-то расстроены?

Передо мной стоял Фантаз.

– Да, вот я думала, что сегодня всё закончится, и я отдохну.

Фантаз сказал:

– Идите и отдыхайте. Ни о чём не думайте. Вы не спали, у вас усталый вид. Вы уже приняты.

Я очень удивилась, но виду не подала. Шла домой и думала: почему мне такие привилегии?

На рабфак я была принята. Но шёл большой спор. Смирнов Сергей Иванович, преподаватель по литературе и русскому языку, был категорически против, я сделала много синтаксических ошибок, одну морфологическую, если не считать того, что мне подсказали. Об этом позже мне рассказал Фантаз. Но это не главное, мне важно было поступить и повторить материал. Конечно, я многое забыла, два последних года в техникуме были только специальные предметы, да вот ещё почти год работала. Я дала себе слово выучить этот проклятый синтаксис и не терять зря времени по остальным предметам. Итак, я уже вступила на путь, приближающий меня к Марку. Начались занятия. В группе было много десятилетчиков, не поступивших в этом году в институт. Подружилась я с Леной Цагарелли – дочерью заведующей библиотекой в тресте «Донбассантрацит». Я очень понравилась Александре Кузьминичне – маме Лены, а Лена училась в одной группе с Марком. Поэтому были все предпосылки подружиться. Я старалась изо всех сил и скоро стала лучшей. Засверкали уже и искры знаний русского языка и литературы. А Сергей Иванович укорял себя за то, что не смог меня сразу оценить, моя начинанность его восхищала. И, как рассказывал мне потом Фантаз, он говорил: «Старый дурак, с огромным опытом, не смог разглядеть такую девочку».

Евгений Иванович Фантаз не преподавал математику в нашей группе. Позже произошла какая-то история, нашли какие-то записки с выпадами против Ивана Мартыновича, нашего

преподавателя. Фантаз предложил ему поменяться группами, тот согласился, и вот Фантаз преподаёт математику у нас. В нашей группе также учились студенты, перешедшие с третьего на четвёртый курс. Тося Доар была, очевидно, любимой ученицей Евгения Ивановича...

От Марка ничего не было. Приёмные экзамены уже закончились. Лена знала, как я страдаю, хотя я ничего не говорила ей о Марке. В начале октября, утром, Лена сказала мне: «Приехал Марк». Моё сердце забилося как птица в клетке. Когда приехал?.. Почему?.. Уже четыре дня прошло, он не прошёл по конкурсу. Было 27 человек на место, а он сдал один предмет на четыре и не прошёл. Боже! – уже четыре дня, и не позвал меня. Что это? Он так быстро меня забыл? Или страдало его самолюбие, которое не позволяло ему смириться с провалом, и он не хотел никого видеть? Что? Что делать мне? Я заметалась, кто же его лучше может понять, успокоить, объяснить, что ещё ничего не потеряно, что некоторые по несколько лет пытаются сдать и в конце концов поступают... Я тоже самолюбива, но любовь была сильнее... Я хотела встречи с Марком, но как я могу его увидеть, он никуда не выходит. И всё же я спрятала своё самолюбие и попросила Лену Цагарелли устроить мне встречу с Марком. Дома его не было, он был у Юрки Артановского (того мальчишка, с которым он читал книгу). Когда Лена вызвала Марка, у него не было на лице никакой радости от встречи со мной.

– Марк, мне нужно поговорить с тобой, ты сейчас можешь пойти со мной?

– Могу.

Мы пошли, молчание долго сопровождало нас. Первое, что он сказал мне: «Тебе не идёт эта причёска». Меня это укололо (когда я сдала экзамены на рабфаке, я сделала себе завивку, тогда очень модную, и все говорили, что мне очень идёт...). Мы всё ещё шли молча, какая-то натянутость была между нами. Я не могла больше терпеть.

– Марк, ты больше не любишь меня?

– Мне надо переболеть, пережить своё поражение, – ответил он.

Я больше не говорила, мы шли и шли, так долго и так далеко, и когда возвращались, вдруг стало легко и замечательно, и мы договорились завтра встретиться в парке. Каждый день мы засиживались в парке до двух-трёх часов ночи в объятиях друг друга. В час ночи наш парк прекращал работу, и все должны были покинуть его. Сторож ходил, проверял и выпроваживал задержавшихся, только не знал, что делать с нами. Подойдёт, постоит вдалеке, уйдёт, не скажет ни слова.

– Марк, надо идти, вон и сторож напоминает нам об этом.

– Но ведь он ничего не говорит нам.

Не знал Марк одного секрета, а я его знала, ведь сторож парка был моим дедушкой, который меня очень любил, и я его любила. Как чудно мы проводили время с дедушкой, в тех редких случаях, когда я приезжала к ним в деревню! Дедушка без конца катал меня на лодке по озеру, а я рвала кувшинки – белые и жёлтые. Потом дедушка вытаскивал из вершей рыбу, мы разводили в дедушкином саду костёр и ели вкуснейшую уху, а яблоки, падая с деревьев, глухо бухали. Дедушка поднимался, шёл их подбирать и самые лучшие приносил мне... Теперь он приехал к нам, чтобы заработать немного денег на хозяйство... И дедушка свято охранял в парке цветы, но для своей внучки каждое утро приносил маленький букетик. И я была ему благодарна и за цветы, и за деликатность...

Летом приехала на каникулы моя подруга, Полина Климова, она уже окончила первый курс Ростовского университета. Пришла ко мне.

– Наточка, знаешь, какого красивого молодого человека я видела вчера в городе? Попросила девочек познакомить меня с ним. Нет, сказали они. Он влюблён в одну девушку, и она в него тоже. «Что за девушка?» – спросила я. «Зовут её Натой, работает в тресте „Донбассантрацит“ техником-строителем». Я догадалась, о ком идёт речь. Какая ты счастливая! Такой прекрасный молодой человек любит тебя.

– Я его тоже люблю.

Эту мою подругу детства на протяжении моей жизни привлекали юноши и мужчины, оказывающие мне внимание. После окончания техникума один мальчик, сын профессора РИНО, Тигрий Фигурин писал мне длинные, по десять-пятнадцать страниц, письма. В отношении меня он в письмах высказывался так: «Все мои вожеления были о тебе». Ничего между нами, никаких чувств не было. Почему он стал мне писать, и так много, я не знала. Полина тогда ещё не училась. Сразу по окончании мною техникума часто приходила ко мне. И я ей читала письма Тигрия. Она стала настойчиво просить у меня его адрес. Я не давала, но она так настаивала и в конце концов уговорила, пообещав не подвести меня. Она написала ему, поехала в Луганск, познакомилась с ним. Между ними возникли какие-то любовные отношения, чем это окончилось – я не знаю. Теперь, спустя почти год, она захотела познакомиться с Марком... Кроме Марка, мне никто не был нужен. Ну а если... Я всплыла – никому не буду навязываться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.